

*«...Земля осушит реки слёз, / Она
войдёт в вино, как лучик. / И не
ответит на вопрос, / На самый
главный, неминучий»*

Глеб Горбовский

На 60-летие Берггольц:

*...Ещё поэзия жива, / Ещё она во-
юет. / И троекратная вдова, /
как девушка, бушует.*

Глеб Горбовский

С Глебом Горбовским (4 октября 1931, Ленинград – 26 февраля 2019, Санкт-Петербург) я познакомился осенью 1959 года в литературном объединении молодых писателей «Голос юности», которым руководил Давид Яковлевич Дар. Открыли его при Доме культуры «Трудовых резервов», что на улице Софьи Перовской (ныне – Дворец учащейся молодёжи, на Малой Конюшенной). Мне тогда было девятнадцать лет, а Глебу только что исполнилось двадцать восемь. Он читал:

*А весной, когда набухнут почки,
у людей должны рождаться дочки.
Они ведь на весну похожей,
чем на земле любой прохожий
мужского пола.*

*Жду весну! Её, сырую,
я сам в пелёнки заверну.*

– Неожиданные для меня стихи, – сказал я. – Их нужно читать и слушать с улыбкой.

– Ты полагаешь? – спросил он.

– Да, полагаю, – сказал я.

– Тогда будем жить, чтобы дружить?! – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал он, и мы пожали друг другу руку.

Вскоре у него вышел первый поэтический сборник «Поиски тепла». Мне он подарил его с автографом: «Ване Сабилу на удачу». Там были стихи-шутки, которые

запоминались после первого же прочтения:

ГЛАЗА

*Глаз вдвое больше, чем людей.
Найти – нелёгкая задача
глаза, которых нет нигде.
А я нашёл. Люблю их, значит.*

БРОВИ

*Брови – это тоже нужное.
Брови даже выше глаз.
Вижу, чёрные двудужия
гневно сдвинуты сейчас.
Поцелую, ты сознательно
бровь подбросишь, мне грубя.
Значит, брови указатели,
значит, брови предсказатели,
предающие тебя!*

ВЕСНУШКИ

*Прямо на нос и откуда
это рыженькое стадо?
Просьяное это чудо,
девичья беда-досада.
Не блондинка, не с рыжинкой,
а веснушки обижают,
а веснушки – как смешинки,
и без них ты – как чужая.*

РУКИ

*Варились в стирке, жглись в снегу,
влетали в волосы врагу,
в пылище плавали, в грязище –
и это делало их чище!*

В начале шестидесятых гг. я жил на Пушкинской улице, в доме № 12. Глеб сказал, что и он живёт на Пушкинской, а рядом – поэт Николай Рубцов. И пообещал нас познакомить. Но этого не случилось, – вскоре я переехал в однокомнатную кооперативную квартиру, на улицу Орджоникидзе. И оказался по соседству с Глебом Горбовским – он уже поселился на Звёздной. В одном с ним доме жили писатели Виктор Курочкин, Даниил Аль, Борис Сергуненков... В соседних домах – Радий Погодин, Евгений Кутузов, Александр Крестинский...

Возле моего дома располагался универсам, который часто посещал Глеб. Иногда он заходил ко мне. Читал стихи, свои и чужие. Разговаривали о журнальных публикациях, о наших друзьях и знакомых по «Голосу юности». А там были Алексей Ельянов, Слава Гозиас, Герман Сабуров, Олег Охупкин, Наталья Галкина, Юрий Шигашов, Александр Давыдов, Владимир Алексеев, Анатолий Степанов, Галина Галахова, Алексей Любегин, Адриан Протопопов, Владимир Беспалько, Елизавета Максименко... Приходили Олег Тарутин, Леонид Агеев, Виктор Ширали, Виктор Соснора. Дважды или трижды появился Иосиф Бродский, – экспрессивно и в то же время молитвенно читал стихи. Но Давид Яковлевич отказал ему в приёме в объединение, посчитав его творчество «не близким поэзии».

Я спросил у Глеба, так ли это? Он тут же откликнулся:

– Дар ошибся. Бродского нужно воспринимать таким, каков он есть, а не таким, как кому-то хочется.

– Но ведь Дар тоже кое-что понимает?

– Да, хотя далеко не всё. Думаю, со временем он и это поймёт...

В 90-е, когда Иосиф Бродский ушёл из жизни, Глеб сказал: «Ему изменял вкус, но никогда не изменял талант...»

После развода с женой Глеб оказался в коммунальной квартире на Кузнецовской улице у Московского парка Победы. Я бывал у него. Однажды стал свидетелем бытового скандала. Соседка в самых жёстких словах обвиняла его, что он «безобразно ведёт себя в квартире» и пригрозила выселить в срочном порядке.

– «Про что она? – спросил я.

– Она права, – сказал Глеб. – Всё из-за птички. Несколько дней назад я пожалел одного чудака. Был мороз. Чудак стоял у нас в подъезде и кормил семечками сизого голубя. Я остановился рядом, спросил, показав на птичку:

– Ручная?

– Да, но бездомная, ночевать негде, – был ответ.

– А тебе?

– И мне, значит. А то сидели бы сейчас вместе на тёплой ку-хоньке.

– А что так? – спрашиваю.

– Пьянки наши довели. Жене надоели, и она теперь нас в дом не пускает. Подумываем в какой-нибудь монастырь податься. Там, может, отойдём. – Жалко стало бедолагу. Чем-то он напомнил мне меня».

В общем, пригласил Глеб Яковлевич этого чудака вместе с голубем к себе. Накормил, предложил переночевать. Утром тот ушёл, оставив птичку на память. Как он выразился, в благодарность за приют. Стал жить голубь у Глеба. Иногда вместе с хозяином выходил из комнаты и гулял по коридору, поднимая с пола невидимые человеческому глазу песчинки и прочие крошки. Днём, когда хозяин за столом что-то сочинял, он с прикрытыми глазами сидел на подушке Глеба и видел сны...

Однажды Глеб проснулся среди ночи от жжения на шее. Тро-нул рукой, что-то попало. Включил свет и отшатнулся – огром-ная вошь, каких Глеб не видел даже в военное время. Понял, от-куда она. Открыл форточку и выпустил гостя. Последил, как тот перелетел в парк и приветвился на липу. Выяснилось, что вши совершили наступление не только на Глеба, но и на соседку. А я пришёл к нему как раз в тот день, когда она это обнаружила. И не просто выразила своё возмущение Глебу, но вызвала сотрудни-ков СЭС, которые произвели дезинфекцию. И предупредили о последствиях подобного гостеприимства.

Это уже было без меня. А я тогда подумал, что нет, неправильно, если знаменитый поэт живёт в коммунальной квартире...

2 декабря 2010 года в Петербурге, в Белом зале Мариинского дворца состоялся Круглый стол: «Тема единения народов Белару-си и России в творчестве деятелей литературы и искусства. О премии Союзного государства». Меня пригласили из Москвы. Среди участников был и Борис Александрович Орлов, которому в начале 2006 года я передал руководство СПб отделением Союза писателей России. И обрадовался, что он здесь: в случае чего, под-держит.

В своих выступлениях собравшиеся подчёркивали важность единения представителей творческой интеллигенции двух стран. Они приветствовали взаимодействие творческих коллективов в сфере искусства и литературы. Говорили о необходимости развития и укрепления современной школы переводчиков с белорусского языка на русский, и наоборот. Речь зашла о премии Союзного государства.

В 2008-м я и Занкович Валентин Павлович – знаменитый белорусский скульптор, архитектор, один из авторов мемориальных комплексов «Хатынь», «Брестская крепость-герой» и др., были номинантами на эту премию. Я знал, кому и за что в предыдущие годы присуждалась она. Предоставили слово мне.

– Предлагаю, – сказал я, – самую главную премию Союзного государства присудить телевизору. Ибо у меня такое ощущение, что те, кто её присуждают, ориентируются только на тех, кого показывают на телеэкране. В подавляющем своём большинстве, это артисты драмтеатров и кино. И ни одного певца, как будто Беларусь и Россия уже петь перестали (народная артистка СССР Ирина Богачёва при этом кивнула и улыбнулась). Вот имена трёх лауреатов премии Союзного государства 2008 года: народные артисты Михаил Финберг, Сергей Арцибашев, Владимир Гостюхин. Ни художника, ни композитора, ни писателя. Но ещё удивительнее, что премии Союзного государства присуждаются только москвичам и минчанам. Будто бы только в этих городах проживают самые-самые!

Дальше я сказал:

– Сегодня, на этом высоком собрании назову имя ленинградца-петербуржца, которого, надеюсь, вы хорошо знаете по его стихам и песням. Это Глеб Яковлевич Горбовский. На его стихи создавали песни Василий Соловьёв-Седой, Станислав Пожлаков, Александр Морозов... В его стихах, в его книгах давно и прочно переплелось российское и белорусское. Он много лет жил в Беларуси и написал немало проникновенных строк о её людях и природе.

В зале прошелестели вежливые аплодисменты – не все знали это имя.

Когда собрание завершилось, участники стали расходиться. Тут я заметил, что ко мне торопится Борис Александрович Орлов. Ну, думаю, пожмёт руку за то, что я предложил на премию кандидатуру Глеба Горбовского. Не тут-то было. Вместо этого он стал пенять: «Иван Иванович, как вы могли так отозваться о гениальном артисте Гостюхине? Он больше, чем кто другой заслужил эту премию, а вы...»

Дальше я не стал слушать и покинул зал.

Тогда же вспомнил, что в следующем году у Глеба Горбовского юбилей – 80-летие со дня рождения. Позвонил писателю Александру Скокову и предложил навестить Глеба Яковлевича у него дома на Кузнецовской. И попросил пригласить на встречу сына Скокова – Андрея, профессионального фотографа. 11 декабря 2010 мы втроём приехали к нему. Глеб Яковлевич в свежей белой рубашке, гладко выбритый и аккуратно причёсанный, предложил чаю. Стал рассказывать.

– ДЕТСТВО? Что запомнилось мне из детства? Арест отца в 38-м. Мне 7 лет. Мы жили в Ленинграде, на Малой Подъяческой, в большой коммуналке. Вошли двое. Дали отцу 8 лет и 4 года поражения в правах. По 58-ой. На одном из своих уроков, он сказал, что Пушкин, Блок лучше, больше чем Маяковский. Тогда высоко ставили Маяковского и не прощали «вражеской» критики в его адрес. Вернулся отец уже после войны.

Война застала меня в Порхове. Поехал на лето к тёте Фресе – родной сестре отца. Скобари псковские, из староверов. Там и встретил войну. Немцы пришли быстро. Тяжело вспоминать. Я об этом писал, рассказывал.

После освобождения отец работал учителем на Костромщине, в деревне Жилино. Глухой лес, теперь этой деревни, конечно, нет. При школе была комната, кухня. Во дворе банька – там потом жила сестра отца, Лукерья. У отца в школе был шкафчик с книгами. Среди них – Тютчев, Некрасов, Блок, Есенин. Всё это я читал. Отец преподавал русский язык и литературу, он закончил пединститут имени Герцена.

Мама провела всю блокаду в Ленинграде. К выходу отца она уже была замужем. Помню возвращение отца, его встречу. Он родился 14 октября, в Покров. В нынешнем году ему исполнилось 110 лет. А я родился 4 октября...

Там, в Жилино, я начал писать стихи. Отцу не понравилось, что я начал так, «с *нахрапа*». О чём писал? Увидел церковь старую – написал. Потом открытку – за решёткой люди. Кажется, с картины Ярошенко «Всюду жизнь». Тоже написал. Отцу не понравились мои «*опыты*». Он хотел, чтобы я учился. У меня ведь из-за войны было всего три класса. Учился немного в оккупации, среди уроков был Закон Божий. Закон был, а немцы безбожно убивали... Отец хотел, чтобы я подготовился и экстерном сдал за 7 классов. Стихи мы собрали и сожгли на костре – место такое между 4-х берёз. Предали огню. Было мне 16 лет.

ЛЕНИНГРАД? Мама с отчимом уехала в Новороссийск, там они и жили. Я к ним приезжал. Отец умер в 92 года, мама – на 85-м... Она была полурусская. Отец её – Суханов. Моя бабушка – зырянка, первая детская зырянская писательница, Агния Андреевна Суханова. Мама, когда уезжала с отчимом, оставила мне большую комнату в доме № 6, по 9-ой линии Васильевского острова. Комната была опечатана. В Ленинграде меня отдали в ремесленное училище №13, при Балтийском заводе. Стал учиться на деревообработчика. И даже чуть выше – на модельщика. Делали формы для изготовления деталей кораблей. Потом перешёл на фабрику «Красная заря», что на 8-ой линии; там выпускали рояли.

В 50-е гг. ходил в литературное объединение «Голос юности», которым руководил Давид Яковлевич Дар, муж Веры Пановой. Литературная учёба весьма пригодилась, так как я был неграмотным в поэтике. Давид Яковлевич многое открыл в области формы. Потом перешёл в литобъединение при Горном институте. Публиковался в горняцкой газете. Занимался у Глеба Сергеевича Семёнова. Там был Тарутин, позже пришёл Кушнер. В те же годы познакомился с Рубцовым. Чуть позже он поступил в Литературный институт и уехал в Москву. Я приезжал к нему в общежитие.

Тогда же проходил Первый поэтический турнир в Ленинграде. Участвовали Кушнер, Бродский, я... Победил Герман Сабуров, прочитав стихотворение «Подозрение»: *«Подозревают всех и все / И я живу, подозревая / Самонадеянность в себе / И женский страх в собачьем лае...»*.

Первая моя книга «Поиски тепла» вышла в 1960. По ней меня приняли в Союз писателей СССР. Наиболее известной стала четвёртая книга «Тишина», в 1968-м. И сразу – разгромный подвал «Рыжий зверь во мне сидит» в газете «Советская Россия». Что там нашли крамольного! «Рыжий зверь» в каждом сидит, дай ему только волю. Поддержали меня тогда Михаил Дудин и Александр Прокофьев.

Поэты моего поколения – Виктор Соснора, Леонид Агеев... С Бродским не был близок. Мог зайти к нему на Пестеля, занять трюк на вино... В России говорят: «Сначала поэтов убивают, потом памятники ставят». Но, как правило, поэты убивают сами себя. Даже если их убивали, то сначала они убивали сами себя. То есть их не убивали, а добивали... Поэты всегда жили бедно. Если поэт думает о деньгах, – он не думает о поэзии. Явился в этот мир поэтом – вот и живи поэтом, а не дельцом.

О ВОЙНЕ? Когда война закончилась, мне было 14 лет. Я работал в Латвии, на хуторах. Как все мальчишки той поры, ездил на места боёв, находил пистолеты, гранаты. Разводили костры, рвали... Не знаю, был ли в народе подъём, но была радость – закончилась война Победой!

О НАРОДЕ? Никогда не смотрел на народ со стороны. Я родился в нём и жил. Как говорится, варился в нём. Работал в геологических, геофизических экспедициях на Сахалине, на Камчатке, на Курилах. Рабочим, взрывником, поваром. Если сравнивать народы – немецкий, английский, еврейский, то, конечно, у каждого что-то своё, отдельное. Но там каждый скажет о себе: «Я – один из...» А в русском – каждый может сказать о себе: я сам- народ.

БЕЛАРУСЬ? Моя третья жена, Светлана Фёдоровна Вишневецкая из Беларуси, витебская. Я подолгу жил в деревне на реке Двине. Много думал – было над чем. Много писал – было о чём. Белорусский язык, украинский язык – славянские языки. Но объединяет их русский язык.

О БОГЕ? Революция в России, революция в Германии. Две великие европейские державы, отменившие Бога. Как можно отменить Бога? – это не подлежит обсуждению. Во все времена были верующие и были безбожники. Сейчас восстанавливают храмы. В народе есть движение к вере. Это хорошо.

О ЧИТАТЕЛЕ? Да, меньше читателей. Интернет, телевизор – стеклянные глаза. Я смотрю только новости, футбол. Иногда – суды, хотя понимаешь, что это актёры, подстава. Читают меньше. Но поэт пишет не для себя, а от себя. Тот, кто проталкивал, пропихивал свои стихи, не стал поэтом.

МОИ СТИХИ? С 2000 года не издавались. Были публикации в «Литературной газете», в «Нашем современнике». Сейчас с помощью моей первой жены, Лидии Дмитриевны Гладкой издаётся семитомник. Вышли три тома. Стихи пишу постоянно. Это мой ритуал. Сегодня написал всего две строчки: *«Позвонили ночью, в три часа, / усмехнувшись, положили трубку...»*. Думаю издать стихи, написанные в последние десять лет. Точнее, только лучшее из написанного. Назову сборник «Зал ожидания». Переводами никогда не занимался, хватало своего. С читателями встречаюсь редко. Недавно возили в Москву на вручение Пушкинской премии. Порадовался, что в Москве знают меня.

ПОЖЕЛАНИЕ МОЛОДЫМ ПОЭТАМ? Быть искренним с самим собой, не уклоняться от себя. Учиться. Читать Пушкина. Блока, Гомера... А когда почувствуешь, что ты, пускай молодой, но поэт, – разговаривай с собой, с миром, с Богом...

Через некоторое время мне в Москву позвонила жена Глеба, Лидия Дмитриевна (он её называл ангелом-хранителем). И поблагодарила за выдвижение Глеба на премию. А ещё полгода спустя я узнал, что она присуждена именно ему. Премии как раз хватило на то, чтобы он смог переехать из коммунальной квартиры в отдельную...

Глеб Горбовский радовался чужим хорошим стихам, как своим собственным. И огорчался, когда стихи его выходили в «соавторстве» с бесцеремонной, нередко тупой цензурой. Как со стихотворением, последние четыре строчки которого я взял эпиграфом для воспоминаний:

*Стояла ночь над головой, / Не шевелилась, чуть дышала.
Штыком светилось над Невой / лишь Петропавловское жало.*

*Ах, ночь смятенья моего, / сколь ты темней моих потёмок.
Мильёны дум на одного – / их больше, чем миров над домом.*

*Земля осушит реки слёз, / она войдёт в тебя, как лучик.
И даст ответ нам на вопрос, / на самый главный, неминуемый.*

26 февраля 2019 года окончил свою земную жизнь выдающийся русский поэт Глеб Яковлевич Горбовский. В первый, удивительно солнечный день весны, в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры мы присутствовали при его отпевании. А затем хоронили на Богословском кладбище.

Многие писатели – и не только они – высказали надежду, что наш город, наша страна оценят вклад Глеба Яковлевича Горбовского в русскую литературу, в русскую культуру. И достойным образом увековечат память о нём.

Петербург, 4 марта 2019